

Е.А. Певак (Москва, Россия)

Вега Мария (Волынцева [Ланг] М.Н.) Бронзовые часы: Роман в 2-х частях / Посл. М.В. Михайловой и А.Н. Кравцова. М.: Водолей, 2022. 608 с.

Е.А. Pevak (Moscow, Russia)

Vega Maria (Volyntseva [Lang] M.N.) Bronze Clock: A Novel in 2 parts / Afterword by M.V. Mikhailova and A.N. Kravtsov. Moscow. Vodolej. 2022. 608 p.

Русское литературное зарубежье изучено как будто вдоль и поперек. Ни одного белого пятна не должно было бы остаться при таком пристальном внимании к судьбе русского искусства, раскинувшего сеть над чужими странами и народами и самого же в этой сети запутавшегося. Как запутались, потерялись в прошлом те, кто с этим русским искусством был связан незримо, но чрезвычайно прочно. И неважно, кто погружается в былое – Набоков, Бунин или мало кому известная писательница, создающая свой русский мир, – женский мир, уютный и душный, светливый, порочный и благостный. И в центре этого мира сестры, которые, как парки, плетут нити своих и чужих судеб.

Прозой поэта эти картины жизни, пожалуй, не назовешь: слишком многое в них связано с традицией русской прозы, и местами слышится то что-то из лесковских «Рассказов кстати», а то из «Анны Карениной» или из «Подростка», хотя обитатели этого мира к разряду поклонников «жесточкого таланта» не относятся, как далеки они и от Л. Толстого. И Тургенев с *ни-ги-ли-ста-ми* им едва ли интересен. Вообще этот мир – мир света и полусвета, мир театрального закулисья – политические и философские споры обходят стороной, оставаясь на периферии насыщенной житейскими радостями, горестями, маленькими победами и трагедиями жизни актрис императорского театра. Будущим читателям стоит забыть о снобизме и отнестись к автору серьезно, чтобы не пропустить в калейдоскопе ее собственных и чужих «воспоминаний» ряд интересных и заслуживающих внимания суждений о мечтах и действительной жизни, о жизни и смерти. Построено повествование затейливо, с неожиданными переходами от участников к слушателю семейных историй, с чередованием наивных рассуждений молоденьких актрисок и иронических (местами с переходом в саркастические – в отношении бытующих сословных предрассудков) пассажей, скупое, сдержанное и при этом выразительно написанных сцен смерти, даже не столько самих этих сцен, сколько расходящихся от них волн, накрывающих всех домочадцев: детей, нянек, домашних учителей.

Автору удастся совмещать в своих произведениях несколько разных миров, и каждому из них давать яркую характеристику, которая строится на колоритных персонажах, одинаково четко выписанных, кто бы то ни был: гвардейский офицер, Министр Двора, старая графиня – или Африкан Африканович, Платонида с Астафушкой, свита Асеньки, Александры Карловны Клодель, вокруг которой кружит повествование, во второй части перетекающее уже в историю жизни ее потомков, о чем рассказывает внучка, Муся. И история обитателей дома Ветошкина, начавшаяся в XIX в., завершается в «новой, вздыбленной, взвихренной России».

Особо отметим развернутое послесловие – ««Далекая и смутная прапамять»: неожиданные мемуары Марии Веги», написанное М.В. Михайловой в соавторстве с А.Н. Кравцовым. Здесь читатель найдет исчерпывающую информацию и о писательнице и о ее двухчастном романе: «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел». Разбитый на подглавки 42-страничный текст, наряду с биографическими сведениями, содержит интересный анализ писательской манеры Марии Веги, отражающий такие черты ее прозы, как «монтирование в один фрагмент текста разных временных пластов», не нарушающее цельности повествования; интертекстуальность, выражающуюся в проникновении в ткань ее романов «теней» и реалистического, и акмеистического прошлого нашей литературы. В отдельных главах рассматриваются «театр как мотив», женские («Женская душа») и мужские персонажи, специфика детского восприятия мира, – и, конечно же, образ матери, тема Дома, Мира и Петербурга.

В своем разборе авторы послесловия устанавливают множество параллелей, связывающих романы Веги с литературной традицией XIX–XX вв., но отмечают отличающую ее прозу особенность – отталкиваясь от документальной основы, уходить в вымышленный, беллетризованный мир. «Она жила, – завершают свой разбор авторы послесловия, – как сама выражалась, на “этой неудобной и прелестной планете”. “Неудобным” было настоящее, “прелестным” всегда выступало прошлое, над которым можно было колдовать, переименовывать его по своему разумению».

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru